

Подсчеты разные, ИТОГ – ОДИН

Александр ГРОНСКИЙ,
кандидат исторических
наук, доцент

Польскому восстанию 1863–1864 годов в научной и историко-популярной литературе уделено довольно много внимания. Однако существуют еще темы недостаточно изученные, прояснить которые помогают архивные и опубликованные источники, описывающие ход тех событий, воспоминания непосредственных их участников. Одной из таких проблем является количество потерь с обеих сторон конфликта.

Для достоверности исследования мы будем пользоваться двумя источниками, отражающими позиции противоборствующих сторон. Так называемый российский взгляд на данную проблему представлен второй частью сборника «Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края» [1]. Его составитель А. Миловидов собрал сведения практически обо всех боях с повстанцами на территории Северо-Западного края и в Августовской губернии, которая также контролировалась генерал-губернатором М. Муравьевым. Автор приводит и имена русских солдат и офицеров, погибших или умерших от ран. Их фамилии были выбиты на мемориальных досках виленской Александро-Невской часовни, заложенной М. Муравьевым в память о солдатах, погибших в боях с повстанцами. Открыта же она была уже при новом генерал-губернаторе Северо-Западного края К. фон Кауфмане.

В период Гражданской войны часовня была уничтожена, и составленный А. Миловидовым список, видимо, остался единственной доступной нам информацией о погибших. Сегодня с ним также можно ознакомиться на сайте научно-просветительского интернет-портала «Западная Русь» [2].

Нами использованы и воспоминания польского повстанца И. Арамовича, написанные им в 1865 году и недавно переведенные на белорусский язык [3]. И. Арамович был адъютантом при военном начальнике Гродненского воеводства, поэтому, как предполагается, у него была возможность использовать в своих воспоминаниях информацию из рапортов командиров отдельных повстанческих отрядов [4, с. 17]. Описывая бои с русскими войсками, И. Арамович также приводит цифры, показывающие количество сил и жертв с той и другой стороны.

Сравнить информацию из двух противоположных источников интересно для того, чтобы понять, как представляли себе та и другая стороны свои действия и оценивали их итоги.

Мы рассмотрим всего лишь несколько боев, в отношении которых можно найти точные данные с обеих сторон. Дело в том, что еще А. Миловидов писал о сложности сопоставления сведений об одном и том же бое из разных источников. Ведь командиры русских отрядов, описывая свои действия, могли географически привязать их к одному населенному пункту, гражданская администрация, упоминая об этом же бое, – к другому, а повстанцы – вообще к третьему. Поскольку большинство сражений происходило между деревнями, то в разных рапортах один и тот же бой привязывался к

ОБ АВТОРЕ

ГРОНСКИЙ Александр Дмитриевич.

Родился в 1976 году в г. Светлогорске Гомельской области. Окончил исторический факультет Белорусского государственного университета (1999).

С 2001 года преподает в различных вузах. В настоящее время работает в Белорусском государственном университете информатики и радиоэлектроники, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Заместитель заведующего Центром восточноевропейских исследований Филиала Российского государственного социального университета в г. Минске. Сотрудник Центра украинистики и белорусистики исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Кандидат исторических наук (2003), доцент (2006).

Автор более 120 научных публикаций в белорусских и зарубежных изданиях.

Сфера научных интересов: история Беларуси XIX – начала XX века, теория национализма, история российской политической полиции, исследование политической и исторической мифологии.

разным географическим названиям – или к названию ближайшего населенного пункта, или к названию деревни, со стороны которой пришел отряд, или вообще употреблялись названия не населенных пунктов, а леса или реки (например, бой в Одрьженском лесу или у реки Стертеж и т.д.).

Рассмотрим бой у Сельца (ныне – деревня Селец Березовского района Брестской области), произошедший в начале мая 1863 года. Поляки под командованием Г. Стравинского (Млотека) заблокировали дорогу для русского отряда. Однако авангард русских пошел в штыки, и повстанцы отступили. Затем, когда поляки все же смогли укрепиться на одной из своих позиций, русский отряд вынужден был отойти в ожидании основных сил. После того как на помощь русским подошло подкрепление, поляки уже не смогли оказать сопротивления и стали отступать. Их преследовали около 5 верст [1, с. 153]. Поле боя осталось за русскими.

По сведениям И. Арамовича, поляки имели чуть более 300 человек (изначально 280 человек, к которым присоединилось, как минимум, несколько десятков) [3, с. 28]. Повстанцы были разделены на 4 роты – 3 стрелецкие и 1 косинерская. Количество русских солдат И. Арамович не приводит. По сведениям русских источников, правительственные войска состояли из двух отрядов. В одном из них под командованием штабс-капитана Евдокимова было 112 пехотинцев Ревельского полка и 20 казаков, т.е. он насчитывал 132 человека, в другом, которым командовал есаул Евстратов, – 80 солдат Ревельского полка и 40 казаков, т.е. 120 человек [1, с. 152–153]. Таким образом, общее количество русских войск, участвовавших в бою, составляло 252 человека против более 300 повстанцев. Неудивительно, что повстанцы, видя поначалу перед собой достаточно немногочисленный русский отряд, стремились во что бы то ни стало завязать бой и достичь победы. Если учитывать, что 3 повстанческие роты из 4 были стрелецкими, т.е. вооружены огнестрельным оружием, тогда понятно, почему руководство инсургентского отряда рассчитывало на успех.

Потери поляков, по сведениям И. Арамовича, составили 5 убитых и 4 раненых, двое из которых тяжело [3, с. 30]. По данным А. Миловидова, в первой фазе боя было убито 50 повстанцев, а во второй,

когда подошло русское подкрепление, их потери составили более 50 убитых на месте, еще 9 тяжелораненых повстанцев умерли во время перевозки их в Селец [1, с. 153]. Таким образом, общее число потерь повстанцев – более 110 человек. Сведения И. Арамовича и А. Миловидова различаются в 22 раза.

Русские потери в этом бою также разнятся. По сведениям И. Арамовича, число жертв со стороны русских составило 176 человек, из них 65 раненых [3, с. 30]. По данным А. Миловидова, в первом отряде погибли 5 человек и 23 ранено (из них 16 легко) [1, с. 153]. Второй русский отряд также имел потери – 3 убитых (1 казак, а также ревельцы – унтер-офицер и рядовой), 5 раненых и 2 контуженных [1, с. 154]. Таким образом, за весь бой общие потери русских войск составили 8 убитых, 28 раненых и 2 контуженных. В одном из рапортов эти потери названы «значительными» и объясняются «энергиею начальника партии и стойкостью шайки его, действующей правильно и по всем правилам тактики» [2, с. 154]. Таким образом, русские командиры отдавали должное полякам и их сопротивлению.

Теперь сравним цифры русских потерь. Если И. Арамович утверждает, что русские потери – 111 убитых и 65 раненых, а А. Миловидов о потерях российских войск говорит, что они составили 8 убитых, 28 раненых и 2 контуженных, то разница в цифрах по убитым почти в 14 раз, по раненым (вместе с контуженными) чуть более чем в 2 раза.

Описывая этот бой, И. Арамович открывает завесу над тайной, каким же образом подсчитывались русские потери: «Потери москалей подсчитали в Пружанах – 176, из них 65 раненых» [3, с. 29]. То есть повстанцы отступили (или бежали – смотря кто описывает события). Оставив поле боя, они подсчитывают жертвы среди русских войск, находясь далеко от места события. Подсчеты, на которые ссылается И. Арамович, это, скорее, желаемое, которое выдается за действительное. Русские же офицеры свои цифры подают, ссылаясь на подсчеты трупов на поле боя.

Рассмотрим еще один бой русских войск с отрядом Р. Траугутта, произошедший в первой половине мая 1863 года. Правительственные войска искали повстанцев

во главе с Траугуттом после предыдущего боя с ними. Местные жители рассказали, что слышали выстрелы в Белинских лесах. Сведения о нахождении в этих местах повстанцев подтвердила разведка, и генерал-майор А. Эггер направил туда свои отряды. При этом часть сил была оставлена в засаде возле плотины. Лес вокруг был болотистый, поэтому отходить повстанцы могли лишь в определенном направлении, которое и перекрыли русские. Повстанцы быстро заняли оборону и встретили противника «убийственным огнем, от которого с самого начала значительное число было ранено» [1, с. 177]. Бой был напряженный. Как указывал И. Арамович, «москали трижды ходили в атаку и трижды были отбиты» [3, с. 45]. Кроме того, часть русских войск находилась в засаде и не участвовала в штурме. Несмотря на отчаянное сопротивление поляков, они все же были вытеснены из лагеря. По сведениям русских источников, бой длился более 2 часов [1, с. 178], по польским – 3 часа, а отдельные выстрелы продолжались до вечера [3, с. 45].

Силы повстанцев составляли 300–400 человек «отлично вооруженных и обученных» [1, с. 178]. Более точно определить количество повстанцев русские вряд ли могли, поскольку до этого отряд Р. Траугутта был дважды разбит, и инсургенты несколько раз были рассеяны, но потом вновь собирались. И. Арамович сведений о числе повстанцев в отряде Траугутта не приводит.

Количество войск, участвовавших в сражении, в польских и русских источниках разнятся. Согласно одному из рапортов, русский отряд состоял из полутора рот 3-го стрелкового батальона и полсотни казаков [1, с. 176]. Из них 30 стрелков и 15 казаков были направлены в засаду и непосредственного участия в бою не принимали [1, с. 177]. И. Арамович указывает, что русских было 4 роты и 200 казаков [3, с. 45], и его сведения по количеству стрелков отличаются более чем в 2,5 раза, а по казакам – в 4 раза.

Разнятся сведения и о количестве жертв. Так, по воспоминаниям И. Арамовича, повстанцы потеряли 13 человек убитыми и 4 ранеными, двое из которых были взяты в плен. Еще 10 инсургентов было поймано крестьянами и передано законным властям. Также русским достался весь повстанческий обоз в 20 подвод и 50 лошадей

▲ Александровская часовня в Вильно в память русских воинов, погибших во время Польского восстания в 1863 году. Разрушена в 1918 году

[3, с. 45]. Согласно сведениям из рапортов русских офицеров, повстанцы потеряли 21 человека на поле боя, еще 5 было ранено и взято в плен. Также указывается, что предположительно поляки потеряли большое количество людей при отступлении через болота. Русским достался и «весь неприятельский обоз и множество оружия, порохов, свинцу, готовых патронов, походная аптека, большой запас разных продуктов, множество разного платья и лошадей...» [1, с. 178]. Потери поляков, по сведениям И. Арамовича, составили 13 человек, а по русским данным – 21 человек только тех, кого обнаружили павшими на поле боя. В болотах никто убитых не искал, поэтому потери повстанцев в болотах остались загадкой. Т.е. разница в подсчетах (без учета утонувших в болотах) более чем в 1,5 раза.

Потери русских войск по двум источникам также различаются. Как утверждает И. Арамович, они потеряли 73 человека убитыми и более 30 ранеными [3, с. 45]. Русские источники указывают, что «успех куплен нами, однако, дорогою ценою», которая составила 9 убитых и 36 раненых (1 офицер и 35 нижних чинов, 4 из них тя-

▲ Памятники русским солдатам и польским повстанцам у д. Миловиды Барановичского района

жело) [1, с. 178]. Если цифры по раненым примерно совпадают, то безвозвратные потери различаются более чем в 8 раз. За русскими осталось поле боя, т.е. они могли посчитать и свои, и чужие потери. Поляки же вынуждены были отойти, поэтому вряд ли они могли адекватно определить русские потери. Свои потери повстанцы также точно посчитать не могли, т.к. отряд был рассеян, кто-то был убит, ранен, попросту ушел домой, утонул в болоте. Именно поэтому очень сложно установить реальные потери, а цифры, оказавшиеся в распоряжении И. Арамовича, вызывают удивление.

Однако на следующий день некоторые поляки вернулись на место битвы, где они застали крестьян, которые кормили раненых и «тех, кто потерялся». Возле поля боя было «три могилы, а над одной возносился крест с надписью «За упокой царя и отечества скончались три русские и один поляк». Могилы раскопали – москали лежали снизу, а наши сверху с разбитыми прикладами головами» [3, с. 45]. Вызывает удивление то, что повстанцы раскапывали могилы. Для чего это делалось, И. Арамович не сообщает. Естественно, что по захороненным можно было установить количество погибших, но почему оно не совпадает с данными

рапорта – непонятно. Кстати, раскапывание могил погибших солдат – это не единичный случай: тот же И. Арамович описывает подобное в другом месте своих воспоминаний [3, с. 65].

Конкретизировать русские потери можно по спискам фамилий погибших и умерших от ран, в свое время выбитых на стенах в Александро-Невской часовне. Потери 3-го стрелкового батальона за все время восстания – 14 человек, а потери всех казачьих полков в Северо-Западном крае, как указывалось ранее, – 22 человека, поскольку в рапорте не приводится, к какому полку принадлежали казаки, просто укажем их общие потери во время восстания на территории Северо-Западного края. Даже если сложить потери всех казаков и 3-го стрелкового батальона, то никак не выходит 73 погибших с русской стороны. Следовательно, потери русских войск в этом бою слишком завышены.

Проанализируем еще один бой, который произошел на мызе Пухлы (сейчас – территория Подляшского воеводства Польши) в конце июля 1863 года. Объединенный конный отряд повстанцев остановился на ночь на мызе. С утра (по польским сведениям в 3-м часу ночи, а по русским – в 5 утра) повстанцы были атакованы казаками и уланами, которые попытались ворваться во двор мызы. Инсургенты успели закрыть ворота и начали отстреливаться из-за высокого частокола. Поняв, что русских достаточно мало, поляки сделали попытку окружить отряд, но, когда они перекрыли проход по плотине, русские солдаты прорвали ряды противника и вышли из окружения. Затем перестрелка возобновилась. Для того чтобы поторопить пехоту, которая догоняла кавалерийскую часть русского отряда, были посланы казаки. По сведениям И. Арамовича, русская пехота находилась в засаде возле ближайшего брода, но далее, по его же данным, она попросту не успела к концу перестрелки, т.к. была «на расстоянии двух выстрелов» от места боя. Тут скорее можно верить рапорту русских – пехота шла издалека. Казаки, посланные за ней, видимо, были восприняты поляками как очередное подкрепление, т.к. Арамович записал, что на помощь русским «подошла конница и даже пехота» [3, с. 64]. К этому времени повстанцы начали отходить, успев забрать своих убитых и раненых. Поле боя оста-

лось за русскими, которые преследовали повстанцев еще 5–6 верст [1, с. 285].

И. Арамович не сообщает о количестве повстанцев, русские свидетельствуют о том, что в отряде было «250 отлично вооруженных охотников, повстанцев» [1, с. 286]. Количество русских войск, по польским сведениям, достигало эскадрона улан и 50 казаков, позже подошли еще казаки и пехота [3, с. 64]. По русским сведениям, кавалерия вступила в бой такими силами – 75 уланов 2-го эскадрона Санкт-Петербургского уланского полка и 30 казаков 5-й сотни 5-го Донского казачьего полка. Позже подошла стрелковая рота Софийского пехотного полка, но она реально приняла участие лишь в преследовании [1, с. 284–285]. Русская рота того времени состояла примерно из 180 человек (по штатам военного времени) [5, с. 118], эскадрон был примерно такого же состава, т.е. поляки оценили русский кавалерийский отряд примерно в 230 человек, по русскому рапорту уланов и казаков вместе было 105 человек.

У поляков, по И. Арамовичу, потеря не было, «несмотря на то, что дом и заборы посекали пули». Раненой оказалась лишь одна лошадь [3, с. 64]. По русским источникам, поляки успели забрать всех своих погибших и раненых, а сведения о потерях базируются лишь на информации, полученной от местных жителей [1, с. 285]. Насколько точно местные жители могли посчитать жертвы – неизвестно.

Потери русских войск, согласно И. Арамовичу, были 20 человек убитыми (в том числе казачий офицер) и 14 ранеными [3, с. 64]. По сведениям из рапортов русских офицеров, потери правительственных войск составили 2 убитых (казачий офицер и рядовой улан) и 4 улана были ранены (из них один тяжело) [1, с. 285]. Т.е. сведения по убитым различаются в 10 раз, по раненым – в 3,5 раза.

Интересно, что в информации по этому бою есть сведения, причем с обеих сторон, о конских потерях. Так, И. Арамович утверждает, что у повстанцев была ранена лишь одна лошадь, а по русским сведениям, у повстанцев были отбиты 20 лошадей, еще 4 убиты и 5 тяжело ранены [1, с. 285]. Данные снова не совпадают. Если учесть, что поле боя все-таки осталось за русскими, то они могли посчитать потери в лошадях более точно.

Почему же такие разные цифры потерь при упоминании одного и того же боя? Естественно, каждая сторона старалась представить события в выгодном для себя свете. Рапорты русских офицеров более точны в отношении цифр. Ведь поле боя в основном оставалось за русскими войсками, т.е. именно они могли подсчитать трупы, оставшиеся после боя. Собственные потери в русских рапортах не было смысла занижать – в противном случае как можно было объяснить начальству огромную убыль солдат? Вызывает большое сомнение и тот факт, что повстанцы практически всегда могли вести очень эффективный огонь по русским солдатам. И почему тогда поле боя практически всегда при столь огромных русских и малых польских потерях оставалось именно за правительственными войсками? Польские подсчеты базировались, скорее всего, на предположениях того, сколько же русских солдат они потенциально могли уничтожить. А то, что подсчеты делались ими не сразу после боя, а тогда, когда повстанцы отрывались от преследования, говорит сам за себя. Русские потери в польских повстанческих рапортах были завышены, иногда (а может быть, часто) очень сильно. Собственные потери практически всегда занижались. Это можно объяснить рядом причин. Например, повстанческие командиры могли предположить, что люди разбежались или потерялись, т.е. не были убиты, поэтому их не вносили в списки жертв.

Таким образом, при выяснении цифр потерь той и другой стороны все же следует признать, что русские данные более корректны, чем данные польских повстанцев. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. – Кн. VI, ч. 2: Переписка о военных действиях с 10 января 1863 года по 7 января 1864 года / Сост. А. Миловидов. – Вильна: Губернская типография, 1915. – LXII с. + 466 с.
2. Список русских солдат и офицеров, погибших в период подавления польского восстания 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края Российской империи // Научно-просветительское интернет-издание «Западная Русь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zapadrus.su/bibli/arhbib/85-spisok-pogibshih-russkikh-soldat-v-1863.html>. – Дата доступа: 26.01.2013.
3. Арамовіч, І. Мары. Успаміны пра партызанскі рух у Гарадзенскім ваяводстве ў 1863 і 1864 гг. / І. Арамовіч // Arche. – 2010. – № 12. – С. 18–71.
4. Радзюк, А. «Мары» Ігната Арамовіча / А. Радзюк // Arche. – 2010. – № 12. – С. 15–17.
5. Грабовский, С.В. Историческая хроника полков 37-й пехотной дивизии (1700–1880) // С.В. Грабовский. – СПб.: Типография Кесневилы и Балашова, 1883. – 231+175 с.